«Разрешать вопросы текущей жизни в соответствии со своими взглядами и убеждениями»

(Законодательная инициатива органов местной власти Среднего Поволжья летом 1917 г.)

Летом 1917 г. многочисленные органы местной власти столкнулись с необходимостью законодательного оформления основных направлений своей деятельности. Имея на руках лишь схематические, нередко противоречивые инструкции, они зачастую действовали на основании собственного понимания указаний «сверху».

Функции, например, земельных комитетов сводились к сбору необходимых для предстоящей земельной реформы статистических сведений, изданию ряда обязательных постановлений, а также разрешению споров и недоразумений в области земельных отношений. Пределы их деятельности определяли постановления Временного правительства.

На местах возникала ситуация неопределенности и недовольства. Так, на очередном заседании Самарского губернского земельного комитета председатель Бузулукского уездного комитета А. Т. Сафонов отмечал, что, давая трудовому крестьянству право на обсуждение своих нужд и видимое право на устройство новых земельных отношений, «Временное правительство не наметило никаких директив, и, вступая в жизнь, земельные комитеты... не могли оставить старые земельные отношения, как противоречащие интересам населения и пользе государства»[1]. По его мнению, постановления II Самарского губернского съезда крестьянских депутатов* «вращаются в области принципов и желаний трудового крестьянства и не дают никаких директив для практической разработки вопросов современного момента и детализирования постановлений волостных земельных комитетов»[2].

Поневоле местные комитеты брали инициативу в свои руки. 19 июля пензенский комиссар Ф. Федорович доносил Министру земледелия: «Так как Временное правительство... до сего времени не дало сколько-нибудь исчерпывающих указаний руководящего характера по земельной политике,.. то уездному комитету (Чембарскому. — *А. Д.*) пришлось в своей деятельности руководствоваться, отчасти, постановлением 21 апреля**, насколько это оказалось возможным без дополнительных указаний Главного земельного комитета, и отчасти разрешать

* II Самарский губернский съезд крестьянских депутатов состоялся 20 мая – 6 июня 1917 г. Организован левыми эсерами. На съезде были приняты решения в отношении землепользования в рамках губернии. К примеру, в так называемых «Временных правилах землепользования» декларировалась отмена арендной платы за землю.

** Имеется в виду постановление 21 апреля 1917 г. «Об учреждении земельных комитетов», в котором Временное правительство объявило об образовании губернских, уездных и волостных земельных комитетов, на которые возлагается «собирание сведений о местных земельных порядках и нуждах населения и в течение переходного времени до проведения земельной реформы в Учредительном собрании решение споров и недоразумений по земельным делам» (см.: Вестник Временного правительства. – 1917. – 14 апреля).

вопросы текущей жизни в соответствии со своими взглядами и убеждениями...»[3]. Еще 5 июля 1917 г. Казанский губернский земельный комитет постановил: «Имея в виду, что события требуют немедленных указаний уездным и волостным комитетам при их работе, а поэтому ждать получения инструкции представляется невозможным», приступить к разработке проекта собственных правил для земельных комитетов[4].

В этих условиях центральные органы Временного правительства вынуждены были регламентировать деятельность земельных комитетов, нередко выходя за рамки принципа сохранения существующих земельных отношений до Учредительного собрания. 12 июля 1917 г. за подписью министров А. Ф. Керенского и В. М. Чернова Временное правительство издало закон о порядке разрешения сделок на землю, по которому «в целях прекращения земельной спекуляции, фиктивных сделок на землю, отягощения их закладными, продажи их иностранцам и таких же земельных сделок, могущих затруднить распоряжение наличным земельным фондом Учредительным собранием» в прерогативу местных земельных комитетов с утверждения Министерства земледелия входило разрешение вопросов совершения крепостных актов по сделкам об установлении перехода права собственности, залога или иного вещного права на внегородские земли, занятые сельскохозяйственными угодьями[5].

Закон от 12 июля 1917 г. был полностью взят на вооружение органами местной власти. Так, к примеру, Самарская губернская земельная управа на заседании 31 августа 1917 г. постановила признать продажу ряда имений нежелательной, находя «нецелесообразным переукрепление недвижимых имуществ, имеющих сельскохозяйственное значение, до Учредительного собрания»[6]. Позднее Министерство земледелия утвердило это решение[7].

Вместе с тем этот закон еще на стадии разработки вызвал немало нареканий как со стороны ряда членов Временного правительства, так и со стороны крупных земельных собственников. 24 мая 1917 г. помещик Симбирской губернии А. Д. Самарин направил Временному правительству письмо, в котором подверг резкой критике подготавливаемый Министерством земледелия декрет о запрете купли и продажи земли, считая его неэффективным как с экономической, так и с политической точки зрения[8]. Премьер-министр Г. Е. Львов считал, что В. М. Чернов и его сотрудники ведут двойную игру, с одной стороны, на словах защищая порядок в деревне, а с другой стороны, используя аппарат Министерства земледелия для распространения среди крестьян убеждения, что частная собственность на землю уже отменена. Чернов действительно, независимо от других министерств Временного правительства, пытался расширить влияние Министерства земледелия на местах, а также провести компромиссные инструкции для земельных комитетов. Так, 20 мая 1917 г. в провинцию был направлен особый эмиссар эсер Я. М. Аксель*, который в качестве представителя Министерства земледелия должен был совместно с губернскими властями пересмотреть постановления крестьянских съездов и уладить возникшие на местах инциденты[9].

Я. М. Аксель 9 и 10 июня 1917 г. участвовал в заседании бюро Пензенского губернского исполнительного комитета, где заявил, что принятие I Пензенским губернским съездом крестьянских депутатов резолюции от 15 мая 1917 г., согласно которой волостные земельные комитеты наделялись правом распоряжения губернскими сельскохозяйственными землями и их распределения среди нуждающихся крестьян, было ошибкой[10]. Эсеровское губернское руководство поспешило сгладить столь жесткое утверждение. Так, губернский комиссар Ф. Федорович убеждал присутствующих на заседании съезда крестьян, что они могут брать помещичью землю во временное пользование, но только через посредство земельных комитетов, документально оформляющих переход земли. Так же и председатель Пензенской губернской земской управы эсер М. Д. Болдов отмечал, что если изъять из ведения исполнительных комитетов разрешение аграрного вопроса и передать его земельным комитетам, то действия

* Я. М. Аксель — личный эмиссар Министра земледелия В. М. Чернова. Был направлен в поволжские губернии с целью убедить лидеров местных общественных организаций отказаться от постановлений губернских съездов крестьянских депутатов до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием.

крестьян, основанные на их постановлениях, не будут считаться захватом и самоуправством[11]. В результате упорство крестьянских депутатов, защищавших постановление съезда, было сломлено, и уже были слышны речи: «Зачем переделывать то, что сделано, мы так думали, так и сделали. А что если нужно бумажками закрепить все это, чтобы по документам было…»[12]. Итогом заседания стала единогласно принятая резолюция: «Принимая во внимание, что окончательная отмена частной собственности на землю должна быть произведена лишь Учредительным собранием и что резолюция II Пензенского губернского съезда крестьянских депутатов вследствие неясности изложения может подать повод к самочинному захвату земель и повести к несоциалистическому пользованию ими, полагаем: 1). В расширении функций земельных комитетов по учету, заведованию и распределению земли и инвентаря бюро видит единственный способ ликвидировать… создавшееся тяжелое положение; 2). Земельным комитетам должно быть предоставлено право во избежание недосева брать в свое заведование все виды владений земли для общественной обработки; 3). На их учет поступает весь владельческий живой и сельскохозяйственный инвентарь; 4). Отказ и установление арендной платы; 5). Землю и инвентарь, уже перешедший во временное пользование крестьян, земельные комитеты берут на учет на тех же основаниях...»[13].

Позднее к резолюции бюро исполкома Пензенской губернии присоединился на общем с представителями губернских исполнительного и продовольственного комитетов собрании 17 июня и Пензенский губернский земельный комитет[14]. Постановления от 9 и 10 июня, выработанные при участии эмиссара Я. М. Акселя, не изменили положение в Пензенской губернии. Однако для самих организаторов бюро они стали залогом сохранения частной собственности до Учредительного собрания.

Подобную резолюцию Аксель поспешил «внедрить» и в других губерниях Среднего Поволжья. Так, в конце июня 1917 г. он прибыл в Симбирскую губернию, где организовал общее совещание губернских властей.

27 июня 1917 г. на заседании Симбирского губернского исполнительного комитета с участием губернского комиссара Ф. А. Головинского, председателей губернских продовольственного и земельного комитетов С. И. Елизарова и И. Я. Воробьева, ряда земских агрономов и партийных деятелей Аксель сделал доклад, в котором указал, что он «делегирован для выяснения земельных отношений в губернии и для выработки совместно с представителями общественных организаций общей и единообразной линии поведения при разрешении земельных вопросов до Учредительного собрания»[15]. Как и в Пензе, он отметил необходимость «расширить функции земельных комитетов, передав в их ведение все земли, а также и продовольственный вопрос»[16]. В Симбирске было выработано решение, согласно которому земельным комитетам предоставлялось право во избежание недосева брать в свое ведение все виды земли для общественной обработки, но по соглашению с продовольственными комитетами. Совместному разбирательству этих комитетов подлежали также вопросы отмены и установления арендной платы за землю и инвентарь. Земли, инвентарь и племенной скот подлежали учету только земельных комитетов[17].

Резолюции пензенского и симбирского совещаний были приняты к руководству во многих уездах. Так, по сведениям Министерства внутренних дел резолюция Я. М. Акселя получила поддержку и была принята к исполнению в Корсунском и Буинском уездах[18].

Вместе с тем деятельность Я. М. Акселя была подвергнута резкой критике со стороны Министерства внутренних дел. Ему было отказано в испрашиваемом им «открытом листе» — удостоверении, предъявитель которого имел право на помощь и поддержку органов и лиц, подведомственных МВД, а также на содействие в выполнении своих полномочий со стороны местных общественных организаций[19].

18 июля 1917 г. Я. М. Аксель прибыл в Самарскую губернию. На общем собрании губернских продовольственного и земельного комитетов, комитета народной власти он выступил с критикой постановлений II Самарского губернского съезда крестьянских депутатов[20]. «По существу, с постановлениями съезда в

Министерстве земледелия разногласий нет, — начал свою речь Аксель, — но отмена арендной платы есть отмена частной собственности! Имеет ли практический смысл Самарской губернии идти всего на 8 недель (выделено нами. — *А. Д.*), которые остались до Учредительного собрания, вразрез с правительством. Неужели вы не пойдете на мелкие уступки, когда вся Россия горит в огне? Считает ли собрание, что необходимо пересмотреть свои постановления?»[21] После этих слов ряд членов собрания поспешил поддержать докладчика. Так, председатель Самарской губернской управы К. Г. Глядков, отметив, что предложение Акселя «не только вводит в правовые рамки вопросы крестьянского землепользования, но и стремится расширить и фактически укрепить права крестьян», призвал уступить правительству и действовать солидарно с земельными комитетами центральных губерний России[22]. Вторил ему и уполномоченный Главного земельного комитета в Самарском губернском земельном комитете народный социалист Г. И. Баскин, который заявил, что «если резолюция докладчика вводит земельный вопрос в правовые рамки, я ее приветствую и преклоняюсь [перед] [н]ей».

Однако большая часть собравшихся выступила против предложений Я. М. Акселя. Крестьяне усомнились в его полномочиях, предположив, что он, скорее, «делегат от князя Львова, ведь Чернов стоит на той же точке зрения, какую вынес наш второй съезд... Однако никаким образом не можем изменить постановления съезда и помочь созданию контакта между нашими социалистами и буржуазией...»[23]. Крестьян поддержали губернские лидеры партии эсеров. Например, один из организаторов съезда П. Д. Климушкин призвал не доверять Акселю, так как тот не уполномочен В. М. Черновым, и не изменять постановлениям съезда, ибо уступки буржуазию все равно не удовлетворят. Своеобразный вывод сделал и член Самарского губернского исполнительного комитета И. М. Брушвит: «Если бы губерний с постановлениями, подобными нашим временным правилам, было больше, то правительству не понадобились бы гастролирующие агенты... Ни одной запятой не должно уступать крестьянских постановлений»[24] (имеется в виду невозможность и недопустимость отказа от принятых съездом постановлений. — *А. Д.*).

Сторонники Я. М. Акселя призывали отнестись к нему с большим вниманием и принять к руководству правила центральной власти. «Резолюция эта одобрена Черновым и партией эсеров, а потому, — возмущался один из членов собрания М. Т. Голубков, — пусть же откровенно скажут большевики и максималисты, что им здесь не место»[25]. После этих слов часть крестьян покинула зал. П. Д. Климушкин заявил, что «раз большинство крестьян ушло, то присутствующие не считают удобным участвовать в голосовании»[26]. Выражая протест президиуму удалилась возглавляемая им группа эсеров. В итоге собрание было прервано, и, не добившись успеха, Я. М. Аксель был вынужден покинуть Самарскую губернию.

Однако на этом борьба вокруг постановлений II Самарского губернского съезда крестьянских депутатов не закончилась. Уже 25 июля 1917 г. в Самару прибыл еще один эмиссар Временного правительства вице-директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел Н. М. Тоцкий. На заседании губернского комитета народной власти он заявил, что «Самарская губерния своими постановлениями подобно решениям II губернского съезда добивается абсолютной независимости». Он так же, как и Я. М. Аксель, потребовал пересмотреть «Временные правила землепользования», принятые II Самарским губернским съездом крестьянских депутатов 6 июня 1917 г.[27] В ответ раздались голоса: «Мы не выделяемся в самостоятельную республику, но возврата к прежнему в аграрном вопросе не будет»; «От Временного правительства ни каких указаний не было, а 600 съехавшихся крестьян, хоть и не имея ни образования, ни опыта, провели как сумели свою аграрную программу»; «Пересмотр правил — это помещичья смерть, кто посмеет явиться в село и сказать, чтобы возвратили помещикам землю?»[28]. Стремясь достигнуть примирения, 26 июля Н. М. Тоцкий организовал совместное совещание членов совета крестьянских депутатов и губернского союза посевщиков. Последние указывали на сокращение площади посевов в губернии, на незаконные захваты

крестьянами скота и инвентаря. Однако представителями губернского продовольственного комитета было отмечено, что, например, посевы по сравнению с 1916 г. не уменьшились, а увеличились, конфискация происходит только с согласия помещиков. Возмущенные члены губернского союза посевщиков К. И. Яковлев и Д. Ю. Фирсин в знак протеста против того, что губернские комитеты не учитывают мнения помещиков, покинули собрание. На заседании было принято решение рассматривать все земельные конфликты в губернском земельном комитете, куда входят как члены крестьянского совета, так и крупные землевладельцы[29]. В итоге «Временные правила землепользования», даже несмотря на противодействие Временного правительства, сохранили свою силу. Н. М. Тоцкий был вынужден констатировать, что «местные власти склонны считать, что по всем вопросам в границах Самарской губернии или уездов они равноправны или даже более полноправны, чем Временное правительство, а иногда... (в губернских комитетах. — *А. Д.*) начинает господствовать психология местной учредительной власти»[30].

16 июля В. М. Чернов, поддержанный своими коллегами социалистами, направил на места инструкцию земельным комитетам[31]. Согласно ей, земельные комитеты должны были распоряжаться всей той землей, которую владельцы были не в состоянии сами обработать. Однако учет этих земель вели продовольственные комитеты, на которые был возложен надзор за правильным использованием земель в интересах обеспечения страны и армии продовольствием. В компетенции земельных комитетов оставалось: установление арендной платы за землю (по соглашению с владельцами), распределение оставшихся неубранными лугов, охрана лесов от хищнической рубки, а также использование учтенного продовольственными комитетами инвентаря[32].

Инструкция от 16 июля 1917 г. вызвала неоднозначную реакцию. Так, в ряде писем, поступивших на имя В. М. Чернова, она была подвергнута резкой критике. На заседании III Самарского губернского съезда крестьянских депутатов 25 августа 1917 г. председатель губернского земельного комитета К. Г. Глядков говорил: «Инструкция земельным комитетам от 16 июля… несколько расширяет их власть, но, к сожалению, далеко недостаточно. Земельные комитеты по этой инструкции получают в свое распоряжение только те пахотные земли, которые владельцы не в состоянии обработать и засеять, да и то вопрос об этом разрешает не земельный, а продовольственный комитет»[33]. Обсудив инструкцию, Нижнеломовский уездный земельный комитет, к примеру, единогласно постановил: «Поворот в работе земельного комитета в противоположную сторону невозможен. Два месяца комитет работал без всяких руководящих инструкций из центра,.. по своему разумению, чувствуя правоту своих действий в постановлениях Всероссийского совета крестьянских депутатов и в декларации правительства от 8 июля… Мы отдаем себя без сопротивления в вашу власть вожди наши,.. но мы не в силах работать в согласии с инструкцией и… не в состоянии привести ее в жизнь…»[34]. На заседании Симбирского губернского земельного комитета 6 августа 1917 г. представитель Курмышского уездного комитета отмечал, что «инструкция от 16 июля страдает смешением функций земельных и продовольственных комитетов, отчего на местах получается путаница»[35].

Учитывая расплывчатость и неясность указаний Временного правительства, губернские земельные комитеты были вынуждены брать на себя всю законодательную инициативу в сфере земельных отношений на местах и разрабатывать собственные инструкции к деятельности уездных и волостных земельных комитетов. 19 июля 1917 г. на своей второй сессии Самарский губернский земельный комитет признал необходимым издать обязательное постановление, которое должно было регулировать в губернии земельные отношения[36], а 19 августа на обсуждение комитета уже был представлен разработанный комиссией под руководством П. Г. Маслова проект инструкции волостным земельным комитетам[37]. Основные положения этого проекта обязывали комитеты в интересах расширения площади посева под яровые на 1918 г. в первую очередь принимать в свое ведение те земли, на которых владельцы или арендаторы

не вели собственного хозяйства. 26 августа инструкция П. Г. Маслова была представлена на рассмотрение III Самарского губернского съезда крестьянских депутатов, где уже перед чтением проекта было выражено пожелание депутатов положить в основу инструкции постановления II съезда. Главными задачами волостных земельных комитетов, согласно утвержденной III съездом инструкции, были признаны: собирание необходимых сведений и материалов для земельной реформы к Учредительному собранию; наблюдение на местах за сохранением должного землепользования и сельского хозяйства до издания Учредительным собранием аграрного закона; распределение имеющихся в их распоряжении земельного фонда на основании правил II съезда[38].

Кроме того, III съездом были одобрены и разработанные Самарским губернским земельным комитетом «Правила обложения платежом в пользу государства лиц, пользующихся в 1917 г. казенными, частновладельческими, банковскими и прочими землями»[39]. Эти правила явились, во многом, результатом доклада заведующего государственным земельным имуществом Самарской губернии М. Л. Ловырева, который на заседании губернского земельного комитета 1 августа 1917 г. потребовал выработать специальное постановление по использованию казенных земель[40]. «Правила обложения» предоставляли волостным земельным комитетам право не только распределять свободные земли, но и самим определять размер арендной платы, а также собирать платежи совместно с заведующими этими землями[41].

Из других направлений законодательной деятельности Самарского губернского земельного комитета следует отметить резолюцию «Об изъятии из ведения учреждений всех дел по земельным искам и передаче таковых третейским судам», принятую на заседании 17 июля 1917 г.

«Принимая во внимание, что по правилам Временного правительства о земельных комитетах в задачи этих комитетов входит разрешение вопросов и недоразумений, возникающих в области земельных отношений, что, с другой стороны, все споры о праве граждан, а в том числе и земельные споры, остаются под уездными судебными учреждениями, что, таким образом, одни и те же дела являются подведомственными двум разным государственным учреждениям,.. что подобное явление ведет к коллизии решений этих учреждений», Самарский губернский земельный комитет принял решение обратиться к правительству с просьбой передать право судебного разбирательства только в ведение земельных комитетов, а до получения ответа просить суд Самарской губернии приостановить разрешение земельных дел[42]. 18 июля 1917 г. комитетом были утверждены правила, по которым в пределах Самарской губернии из ведения судебных учреждений изымались все сельскохозяйственные тяжбы и споры и передавались земельным комитетам, а постановления третейских судов, организованных волостными земельными комитетами, считались окончательными с правом обжалования в уездном земельном комитете[43]. К сожалению, у нас нет сведений о работе таких судов, но само решение губернского комитета следует признать серьезным и важным шагом в земельном вопросе.

В Казанской губернии дело обстояло сложнее. Губернский комитет буквально разрывался в стремлении угодить и правительству, и крестьянам.

Выработанная Казанским губернским земельным комитетом инструкция волостным земельным комитетам была утверждена на заседании 22-23 июля 1917 г.[44] Согласно ей земельные комитеты должны были добиваться добровольного соглашения сторон и ни в коем случае не допускать насильственных действий как между обществами, так и между односельчанами. Если добровольного соглашения достичь не удавалось, дело либо передавалось в уездный, затем в губернский земельный комитет, либо вопрос оставался открытым до Учредительного собрания[45].

Отрубные и хуторские земли подлежали охране волостных земельных комитетов от захватов до созыва Учредительного собрания. В каждом отдельном случае комитеты должны были решать, допускать ли наемный труд или обработка земли должна производиться лишь собственным трудом членов семьи. Земельные комитеты могли отрезать у хуторян или отрубников из-

лишние земли. В ведение комитетов переходили также скупленные в одни руки отрубные и хуторские участки за вычетом трудового надела землевладельца, которые должны были распределяться между нуждающимся населением на правах аренды. Кроме того, в арендное пользование крестьян при посредстве земельных комитетов поступали казенные, удельные, монастырские, церковные и городские земли, однако волостные земельные комитеты должны были оставить достаточное количество земли в пользовании прежних владельцев для собственных нужд. Не подлежали распределению купленные через Крестьянский поземельный банк арендуемые земли и наделы лесной стражи, если они обрабатывались собственным трудом[46].

В отношении частновладельческих земель волостные комитеты должны были «стремиться к достижению соглашения между крестьянами и владельцами о предоставлении последними земли в арендное пользование первым и об оставлении частным владельцам достаточного количества земли для семьи и скота»[47]. Если соглашение не было достигнуто, то волостные комитеты окончательно решали вопросы о предоставлении земли и определяли арендную плату. Все случаи пользования частновладельческой землей должны были быть облекаемы в законную форму на правах краткосрочной аренды до решения Учредительного собрания. Кроме того, по соглашению с земством земельные комитеты должны были охранять имения, мелянные рассадники, опытные поля, питомники, сельскохозяйственные фермы, училища и т. д.

В компетенцию волостных земельных комитетов входили также вопросы учета и использования живого и мертвого инвентаря, охраны леса и удовлетворения населения дровами и лесными материалами, сдачи в аренду вод и др. Отдельно определялось, что к ведению продовольственных комитетов относится уборка полей, порядок использования мельниц и заводов[48]. Дополнительно оговаривалась процедура обжалования действий волостных и уездных земельных комитетов[49].

По существу, инструкция носила достаточно либеральный характер и была более или менее приемлемой как для землевладельцев, так и для крестьян. 28 июля 1917 г. в своем отношении к Казанскому совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов губернская земельная управа рекомендовала взамен постановления о порядке распределения земель I Казанского губернского съезда крестьянских депутатов от 13 мая 1917 г. предложить всем волостным и уездным комитетам руководствоваться инструкцией Казанского губернского земельного комитета, так как постановление крестьянского совета расходится с постановлением Временного правительства[50].

Симбирский губернский земельный комитет на заседании 17 июня 1917 г. признал первостепенной задачей земельных комитетов лишь подготовку и проведение работ по обследованию земельного вопроса в губернии. Тогда же было решено просить уездные земельные комитеты обсудить вопросы о размере потребительской земельной нормы, о размере трудовой нормы и т. п.[51]

Среди практических мер Симбирского губернского земельного комитета можно выделить постановление о передаче в ведение земельных комитетов всех владельческих земель, превышающих потребительскую норму, а также курирование вопросов выдачи правительственных ссуд[52]. Кроме того, на заседании 6 августа 1917 г. было решено ходатайствовать перед Главным земельным комитетом* о предоставлении земельным комитетам права распределения рабочей силы и о передаче им функций продовольственных комитетов по эксплуатации пахотной и луговой земли и учету инвентаря[53]. Отметим так же и предписание Симбирского губернского земельного комитета о реконструкции состава земельных комитетов по инструкции Главного земельного комитета, согласно которой разбор земельных споров возлагался на советы в составе представителей Министерства юстиции и земледелия, что давало, по мнению председателя Симбирского губернского земельного комитета К. Я. Воробьева, возможность «текущие дела по земельным тяжбам разбирать не в громоздких пленарных заседаниях, а в более легко-

* Главный земельный комитет — высшая инстанция всей системы губернских, уездных и волостных земельных комитетов.

созываемых советах»[54].

В разработанных инструкциях губернские земельные комитеты, таким образом, шагнули значительно дальше предоставляемых им прав, по сути, поддержав крестьянство в его притязаниях на землю. Эти инструкции имели ярко выраженный прокрестьянский характер и в корне разнились с предписаниями правительства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 1797, оп. 1, д. 135, л. 83 об.
2. Там же, л. 84.
3. Аграрное движение в 1917 г.: Сб. материалов. – М., 1965. – С. 207.
4. НА РТ, ф. 174, оп. 1, д. 1, л. 27.
5. ГА РФ, ф. 1797, оп. 1, д. 90, л. 63.
6. Там же, д. 138, л. 110.
7. Там же, л. 122.
8. Там же, ф. 1796, оп. 1, д. 87, л. 22.
9. Волжское слово. – 1917. – 20 июля.
10. Купряшкин Т., Самаркин В. 1917 г. в Мордовии. – Саранск, 1939. – С. 73-74.
11. Там же. – С. 74.
12. Там же. – С. 75.
13. ГА РФ, ф. 1797, оп. 1, д. 20, л. 1.
14. Там же, л. 3.
15. Симбирские губернские новости. – 1917. – 12 июля.
16. Там же.
17. Там же.
18. ГА РФ, ф. 1800, оп. 1, д. 33, л. 74.
19. Там же, л. 74.
20. Там же, л. 76 об.
21. Волжское слово. – 1917. – 20 июля.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же. – 27 июля.
28. Там же.
29. Там же.
30. Кострикин В. И. Земельные комитеты в 1917 г. – М., 1974. – С. 179.
31. ГА РФ, ф. 1796, оп. 1, д. 64, л. 6-9.
32. Там же.
33. Там же, ф. 6978, оп. 1, д. 423, л. 56 об.
34. Народная газета. – 1917. – 20 августа.
35. Симбирская народная газета. – 1917. – 20 августа.
36. ГА РФ, ф. 6978, оп. 1, д. 423, л. 28.
37. Там же, л. 91.
38. Там же, л. 60.
39. Там же, л. 61 об.-62.
40. Там же, ф. 1797, оп. 1, д. 135, л. 28-32.
41. Там же, л. 57 об.
42. Там же, л. 75.
43. Там же, л. 75-75 об.
44. НА РТ, ф. 174, оп. 1, д. 1, л. 66; Камско-Волжская речь. – 1917. – 5 октября.
45. НА РТ, ф. 174, оп. 1, д. 1, л. 66-68.
46. Там же.
47. Там же, л. 68-69.
48. Там же, л. 69.
49. Там же, л. 69-71.
50. Там же, л. 14.
51. Симбирская народная газета. – 1917. – 25 июня.
52. Там же. – 29 сентября.
53. Там же. – 20 августа.
54. Там же. – 29 сентября.

Айваз Диндаров,
кандидат исторических наук